

С. М. Певзнер,
заслуженный учитель
школы РСФСР
и Удмуртской АССР

ИЗ ДРУСКИНИНКАЯ В УДМУРТИЮ

Говорят, что время сглаживает события... Но еще Цицерон сказал: «Кто пострадал, тот не забудет». Разве можно забыть день двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года? В тот воскресный день я был в пионерском лагере в Друскининкае. Еще вчера шла подготовка к торжественному открытию пионерского лагеря. Приехали гости из Белостока и привезли много подарков. Все предвещало большое веселье, пионерский праздник и яркий солнечный день.

... В пятом часу утра меня разбудил необычный шум. Я вышел на улицу и, не веря своим глазам, смотрел на небо. Сотни тяжелых самолетов со свастикой летели на восток. Этих страшных чудовищ было так много, что временами небо, казалось, темнело. Все наши сомнения рассеялись, когда, включив приемник, мы услышали гортанную, душераздирающую речь Гитлера...

Война, война... Не хотелось верить, что нашу границу перешли фашисты. К шести часам утра они уже были в деревне Лейпалингес, что западнее Друскининкая, за Нямунасом. Связь с Белостоком была прервана, не

могли дозвониться до Вильнюса и Гродно. Мы получили указание об эвакуации всех детей, находящихся в трех пионерских лагерях на курорте Друскининкай.

На небольшом Друскининкайском вокзале было несколько тысяч человек. Крики и плач оглашали вокзал и привокзальную площадь. Матери, рыдая, искали потерянных детей, малыши с плачем бегали по вокзалу, разыскивая родителей. Мы садили детей уже в переполненные вагоны, используя не только двери, но и окна. С огромным трудом были размещены дети Белостокского, Литовского пионерских лагерей и детского дошкольного санатория. В эшелон погрузилось около тысячи человек, многие забралась на крыши вагонов, а большинство осталось на вокзале, не попав в эшелон.

К вечеру двадцать второго июня наш состав двинулся в сторону Поречье—Гродно. Проехав Поречье, мы вынуждены были остановиться: дальше путь был разобран, мост через Нямунас разрушен. Многие из взрослых требовали возвращения в Друскининкай. «Что будет, то будет. Все равно фашисты догонят и разбомбят нас»,— говорили они. А нашелся человек, который утверждал, что немцы тоже люди, там, мол, есть хлеб и кров, а что будет, время покажет. Пришлось использовать силу приказа начальника эшелона. Машинист состава категорически отказался вести состав в сторону Марцинконис—Вильнюс, мотивируя свой отказ отсутствием путевого листа. Только сила оружия заставила его вести эшелон в сторону Вильнюса.

За станцией Марцинконис наш эшелон подвергся обстрелу с пикирующих самолетов. Эти обстрелы стали повторяться довольно часто. На бреющем полете, совсем низко-низко проносились самолеты над нами. Иногда мы видели и лица фашистов. На вышках вагонов (польской конструкции) сидели наши старшие пионеры и, заведя самолет, поднимали вверх руку с фуражкой, сигнализируя «воздух». Поезд останавливался, все выскакива-

ли из вагонов и разбегались. Так повторялось много раз. Пионеры старшего возраста помогали нам с самого начала этого тяжелого пути. Не преувеличивая, можно сказать, что благодаря их помощи и самоотверженности нам удалось благополучно пройти этот трудный путь. Это они во время тревоги, пренебрегая опасностью, выносили из вагонов малышей и больных.

Помню такой случай. Во время одной из тревог все покинули поезд, рассыпались по лесу, чтобы в случае попадания бомбы или обстрела было меньше потерь. После отбоя при проверке оказалось, что нет Владика Кучевского, семилетнего мальчика. Искали-искали, найти не могли. Не помогали и звуки горна. Поиски продолжались, но безрезультатно. И только благодаря настойчивости старшего пионера Семена Любошицкого Владик был обнаружен спящим в куче хвороста на значительном расстоянии от эшелона.

В Вильнюсе машиниста поезда пришлось сменить. К нашему паровозу прицепили еще такой же состав с гражданами столицы Литвы, и наш эшелон направился в сторону Минска. Сильному обстрелу мы подверглись на станции Лида и особенно — около Молодечно (мы шли круговым путем). Пришлось заменить два вагона.

Было невыносимо жарко, не хватало продуктов, воды. Дети просили есть, а в наших запасах были только ветчина, масло и печенье. Хлеб доставали с большим трудом, и каждый кусочек был лакомством. Дети с отвращением смотрели на ветчину, хотя очень хотели есть.

Столица Белоруссии встретила нас воздушной тревогой. Первый вопрос товарища Тура, тогда секретаря ЦК партии Белоруссии, был: «Где вы пропадали? Мы потеряли вас. Получайте продукты и следуйте в Смоленск». Новый налет фашистских стервятников прервал наш разговор. Как сегодня помню ту страшную бомбежку, которой подверглась тогда столица Белоруссии — Минск.

Одна бомба упала недалеко от Дома правительства, другая — рядом, в группу людей. Этого никогда не забыть.

В Минске меня контузило и ранило в ногу и руку. Состав с детьми был отправлен, и я догнал его уже только в Рузаевке.

Наш состав двигался на восток. Дети впервые организовано умылись на станции Канаш на десятые сутки пути. Мы были далеко от опасности, и наш эшелон не подвергался обстрелу вот уже несколько дней, однако настроение у большинства детей было плохим: скучали о родных и близких. Помню, как крошка Лотовская Мира отказывалась от пищи в продолжение нескольких дней и все просилась к мамочке, спрашивала, где ее любимый братик и почему мы все едем и едем. Слова «почему», «когда» и «скоро ли» так и висели в воздухе. Были и такие дети, которые молча переживали разлуку с родными. Они могли часами смотреть в одну точку, не вымолвив ни слова за весь день, тихо плакали и были безразличны ко всему, что происходило вокруг. В эти дни дети нашего эшелона крепко подружились, хотя многие из них разговаривали на разных языках. Среди детей были русские, литовцы, поляки, белорусы, евреи и др.

Мелькали большие и маленькие населенные пункты, расположенные вдоль железной дороги. На станции Казань нас встретили руководители республики и общечеловечность города. Детям преподнесли подарки — сладости и устроили торжественный обед. Эта встреча надолго запомнилась. Здесь нам сообщили, что следуем в Саранул. После Казани наш поезд пошел быстрее. Навстречу нам, на запад, бесконечным потоком шли поезда с мобилизованными и составы с оружием.

На двенадцатые сутки нашего пути мы прибыли на станцию Саранул. Встречающие буквально на руках выносили наших детей из вагонов. После бани, куда нас повезли в автобусах прямо с вокзала, мы разместились в подготовленных зданиях дома отдыха «Учитель», распо-

ложенного на живописной окраине Сарапула. Двадцатого июля по постановлению Совета Народных Комиссаров УАССР был организован детский дом для детей, эвакуированных с курорта Друскининкай.

Общественность Сарапула и всей Удмуртии по-матерински заботилась о детях из прифронтовой полосы. Ежедневно нам предлагали свою помощь и услуги многочисленные организации и граждане Сарапула. Быстро решались все вопросы по созданию благоприятных условий для жизни маленьких граждан.

...Шло время. Как обычно, проходили сборы, работали кружки, дети, не знавшие русского языка, изучали его и начинали уже изъясняться по-русски. Концерты наших маленьких артистов были показаны не только в лагере, но и в госпиталях, воинских частях. Созданные бригады работали в колхозе на подсобном хозяйстве детского дома.

Первого сентября в детском доме начался новый учебный год. Для литовских ребят были созданы классы на литовском языке, учителями в них были студенты Вильнюсского университета, прибывшие в Сарапул вместе с нашим эшелоном. Не было учебников на литовском языке, их создавали сами же учителя, переводя русские учебники.

Наступали холода. Помещения дома отдыха не были приспособлены для жизни в зимнее время. Поиски здания для детского дома в Сарапуле оказались безрезультатными, и детский дом пришлось разделить. Группа детей бывшего литовского лагеря была направлена в Шаркан, а белостокского — в Гольяны и Каракулино. В последующем литовские ребята были размещены в селе Дебессы — прекрасном уголке на севере Удмуртии, а белостокские — в селе Каракулино.

Двадцать третьего октября мы организованно сели на пароход, который последним отошел от пристани Сарапул в связи с окончанием навигации. На пристани Каракулино нас встречало почти все село.

Каракулино — это большое село, расположенное на высоком берегу красавицы Камы. Если смотреть на село с реки Камы, то выглядит оно как на каскадах-террасах и напоминает Крымское и Кавказское побережья Черного моря. Каракулино в шутку называют Крымом Удмуртии.

С первых же дней в Каракулино нашим детям были созданы благоприятные условия для жизни и учебы. Как правило, наши воспитанники учились на «хорошо» и «отлично», неуспевающих не было. Иногда не хватало бумаги, учебников, приходилось учиться при коптилках. Учителя и воспитатели допоздна сидели со своими питомцами за приготовлением уроков.

Школой трудового воспитания стало для нас подсобное хозяйство. Радостно было смотреть, с каким увлечением бывшие горожане ухаживали за животными, работали на огороде и в поле. В сорок третьем году мы имели уже восемь лошадей, двенадцать коров, тридцать три овцы, тридцать семь свиней, шесть коз, много гусей и кур. Из шерсти овец мы вязали варежки и носки, а из овчины шили полушубки.

Коллектив художественной самодеятельности Каракулинского детского дома занимал лучшие места не только на районных смотрах художественной самодеятельности, но и на республиканских в Ижевске. Когда началось патриотическое движение по сбору средств на оборону страны, наши воспитанники собрали десять тысяч девятьсот пятнадцать рублей и послали их на строительство танковой колонны. Большой радостью для нас была телеграмма Советского правительства, подписанная И. В. Сталиным, со словами благодарности нашему детдому.

...Копчилась война. Победа, о которой мечтали, за которую четыре года боролся героический советский народ, принесла счастье и нашим детям. Они уехали на свою родину, но память об Удмуртии и ее славном народе на всю жизнь осталась в сердцах тех, кто в тяжелые годы Великой Отечественной войны нашел здесь материнскую любовь и отцовскую заботу. Второй родиной стала Удмуртия для тех, кто пережил вместе с удмуртским народом эти трудные годы.

В сорок пятом году ликующий Белосток встречал наш состав с возвратившимися домой детьми. Приезду детей были посвящены митинги на площадях, торжественное собрание в городском театре. На многочисленных приемах в Белостоке, Варшаве, Лодзи многократно назывались СССР, Удмуртия, Ижевск, Минск, Вильнюс, Сарапул, Каракулино как символы дружбы наших народов. Президент Польской Народной Республики товарищ Болеслав Берут, вручая мне орден «Серебряный Крест Заслуги», благодарил советский народ, нашу партию за все то, что сделала наша Родина для маленьких граждан народной Польши. Трудящиеся Белостока обратились с рядом писем к Советскому правительству, советскому народу и партии, в которых выражали безграничную благодарность за спасение польских детей.

Более четырехсот наших бывших питомцев получили высшее и среднее специальное образование. Все они активно участвуют в большой созидательной работе советского народа. Теперь наши дети — люди среднего возраста, люди больших и малых государственных дел.

В июле шестьдесят шестого года школа-интернат отмечала свое двадцатипятилетие. На этот юбилей со всех концов необъятной Родины приехало сто двенадцать наших бывших воспитанников. Встреча вылилась в большой праздник трудящихся района и всей республики. Наши воспитанники постоянно поддерживают связь со школой-интернатом.

А для некоторых Удмуртия стала не только второй Родиной, но и местом постоянного жительства: засл. врач Удм. АССР Татьяна Изакович и З. Зеликзон, медики Б. Райхер и Р. Чабан, строитель Хазаливичус живут и работают в Ижевске, Е. Урбан — партийный работник в г. Сарапуле, Э. Хорошавцева — учительница в Якшур-Бодье, П. Врубель — санитарный врач в Каракулино. А сколько других бывших воспитанников послевоенных лет работают в Ижевске, Воткинске, Глазове, Камбарке, Каракулино и других местах нашей Удмуртии, их около 900 человек.

Наши воспитанники трудятся с большой любовью к своей Родине. Недавний наш выпускник, конструктор В. Новоструев, живущий в Миассе, награжден орденом Ленина. Депутатом Верховного Совета Удмуртской АССР избран строитель В. Семакин, в Воткинске знают ударников С. Сидорова, С. Сальникова.

Их много, наших воспитанников, на необъятной Советской земле и не только у нас, а и в братской народной Польше. Они приезжают в родную Удмуртию, пишут, со многими мы имеем связь. Белорусы всегда помнят Каракулино. В Минске живут и трудятся Эвелина Блинова — доцент Минского педагогического института имени Ленина, Николай Кислов — доцент, зав. кафедрой Минского политехнического института, Мария Райцина — врач в одном из лечебных учреждений Минска, это та Райцина, которая отдала 1000 рублей на строительство танковой колонны. В Белоруссии живут Г. Хатеева, Н. Найдина, Клара Бойко и др. Наш воспитанник бывший старшина А. Грибоедов — командир подводного корабля.

Большая группа воспитанников Сарапульского детского дома проживает ныне на Литовской земле.

Выросли и наши польские дети. Знают в Польше видного офицера Войска Польского Ромека Зайковского, лауреата Шопеновской премии пианиста Рихарда Бак-

ста, а большая группа патриотов народной Польши трудится в Белостоке: Тадеуш Лясоцкий, Тадеуш Низинский, Надежда Герасимчук.

...9 мая 1975 года советский народ и все прогрессивное человечество отмечали знаменательное событие — 30-летие Победы над фашистской Германией. Трудно переоценить значение этого праздника не только для советского народа, но и для всех людей всего земного шара. Победа эта спасла весь мир от коричневой чумы, она принесла жизнь всему прогрессивному. Прошло всего 30 лет, а как изменилась за это время наша прекрасная Родина. Как выросло наше могущество, как значительны наши достижения во всех отраслях жизни. На благодатной почве нашей победы выросли и наши дети.

Белосток, 15/VIII.68 г.

Дорогой Самуил Маркович!

Получил от Вас телеграмму по случаю возрождения Польши. Какая радость была, ведь прошло свыше двадцати лет, как мы последний раз с Вами прощались в Белостоке. Когда встречаемся с кем-нибудь из наших ребят, то всегда вспоминаем Вас, как Вы о всех нас заботились. Ведь мы почти и войны не видели, а сколько польских детей немцы увезли, а сколько убили. Каждый из нас хорошо понимает, что это были годы тяжелой войны, а мы все были одеты и голод-

ными не ходили. И всех нас Вы привезли прямо в руки родителям, которые считали, что нас уже нет в живых.

Теперь мы взрослые люди, но эти детские годы в Каракулино никогда не забудем и всю жизнь будем Вам, всем воспитателям и всему советскому народу, за это очень благодарны. Интересно, кто из старых друзей находится еще в Каракулино, есть ли там детдом? Очень прошу, передайте ребятам в детдоме от нас привет и, если можно, напишите письмо, очень будем рады и благодарны.

Тадеуш Лясоцкий.

Л. Вайтукайтис

МАТЕРИНСКОЕ ТЕПЛО

Сов. мб. 24805

Стремительно мчится скорый поезд. Где-то далеко позади остались Вильнюс, Минск, Смоленск, Москва... А в вагоне не смолкает литовская речь, словно поезд все еще где-то на окраинах Вильнюса.

У окна стоит сотрудник Института истории партии, кандидат исторических наук Миколас Бурокаявичюс со своей дочуркой Юрате. Он ей что-то объясняет. Светлоголовая девчунка, как замороженная, слушает рассказ отца.

Рядом с ними — слесарь Каунасского радиозавода Пятрас Навадниченас и Гражина Скуодене — учительница одной из вильнюсских школ. Как это ни странно, но и они принимают участие в этой волнующей беседе.

В вагоне звучит литовская песня. Среди певцов — артистка Академического театра драмы Литовской ССР Марите Растейкайте, научный сотрудник Института литовского языка и литературы Ванда Бараускене, сотрудник Республиканского комитета народного контроля Ионас Жукаускас, преподавательница Вильнюсского университета им. В. Капсукаса Вера Фейгельманене, Эстер Боерайте и многие другие... Есть что-то неуловимо общее в их взглядах, речи. Они одинаково воспринимают нечаянно брошенное слово, каждый жест, даже вздох. Все они поют одни и те же песни, могут с любой строки про-

декламировать одно и то же стихотворение, рассказать какую-то им всем одинаково хорошо известную историю. Братья — не братья... И не профессия, и не возраст объединяют в одну семью тех, кто находится в этом вагоне.

— Откуда вы? — спрашивает заглянувший сюда из другого вагона пассажир.

— Из Каунаса, из Вильнюса... Из Литвы, — отвечают они дружно.

— А куда путь держите?

— Домой...

Лицо спрашивающего после такого ответа вытягивается в недоумении. Он долго колеблется, но, наконец, решается задать беспокоящий его вопрос:

— А вы, порой, не ошиблись? Ведь этот поезд идет на восток. Но никто не отступает от сказанного:

— На восток, да, на восток...

Ничего не может понять пассажир, пока кто-то из собравшихся не рассказывает ему этой простой и такой волнующей истории...

Четверть века тому назад, в июльский день, по этой же дороге, тяжело пыхтя, шел длинный эшелон. Старый почерневший паровоз тащил несколько десятков таких же старых, маленьких вагонов с выбитыми окнами и продырявленными от пуль стенами. Из окон торчали белые головки детей. Худенькие, измученные, грязные личики, беспокойные глаза искали вокруг хоть что-нибудь знакомое, свое. Но черный паровоз тяжело продвигался вперед по бескрайнему морю леса. Слева лес, и справа лес — всюду один только лес... Военная гроза подхватила на дорогах сирот и мчала их далеко на восток.

Но вот, наконец, старый паровоз остановился на небольшой станции. «Сарапул...» — передавалось из уст в уста ничего не говорящее слово.

Далекий незнакомый город. Чужие люди... Кто же здесь приютит бедных сирот? Но чужие люди в далеком

городе ждали малышей, как родных: для них топились бани, лежали груды новой одежды... Успокойтесь, матери! После двенадцати тяжелых дней пути ваши дети снова легли спать в чистую постель... Мать-Родина — она везде со своей любовью и заботой. Далекая Удмуртия с подлинно материнским теплом встретила и приютила сирот из Литвы. В Сарапуле, Шаркане, Дебессах — везде, где находился литовский детский дом, малыши края Немана постоянно ощущали материнскую заботу и внимание к себе.

— Так, значит, вы сейчас едете в Сарапул, в Удмуртию, — понял, наконец, собеседник, направлявшийся куда-то не то в Свердловск, не то в Барнаул.

Да, так. Спят все дальше на восток скорый поезд, и колеса его, словно песню, повторяют услышанную только что историю, а пассажиры одного вагона все чаще и взволнованнее выглядывают в окно. Для них эта история еще не закончена. Впереди новые встречи, новые впечатления.

За окном вагона мелькают знакомые горы, холмы, извилистые реки, могучие леса. А вот и знакомая станция. Все та же старая надпись, все тот же далекий, но такой родной Сарапул... Как и двадцать пять лет назад, на перроне большая группа встречающих. Но сегодня у них в руках огромные букеты цветов. Впереди высокий, крупный мужчина. У него чуть более загорелое, чем у других, лицо, более стремительно, чем остальные, рванулся он вперед. Уж очень знакомы черты его лица. Не наш ли это военный начальник, возглавлявший эшелон? Да, это он! Самуил Маркович Певзнер. Несмотря на прошедшие годы, он все так же подвижен, и улыбка по-прежнему не сходит с лица. А рядом с ним — паша Элла Гольдштейн-пайте, бывшая восьмиклассница, а теперь мать нескольких детей. Она здесь с сыновьями и мужем. Мы спешим из вагона и попадаем прямо в объятия старых друзей. Здравствуй, дорогая земля Удмуртии! Здравствуйте, доб-

рые, чудесные ее люди! Время бессильно против нашей прекрасной дружбы. Друг и через десятилетия узнает друга, а сердце навсегда сохранит к нему уважение и любовь.

— Дети, в вагоны! — командует Самуил Маркович.

Сейчас это символическая команда, как и само обращение «дети». А было время, когда эти слова несли надежду на жизнь. Когда мы их слышали впервые? Не в друскининкайском ли сосновом бору? Не в первый ли день войны, когда, спрятавшись под мохнатыми шапками деревьев, ждали, как избавления, поезда? Да, это было там... Где-то в небесах беспрерывно выли и гудели самолеты. Где-то рвались снаряды, ухали пушки. Но до нашего сознания еще не доходил весь ужас свершившегося, мы еще не понимали, что значит война, какая гибельная начинка спрятана под крыльями с черным крестом. Только инстинктивно мы чувствовали, что где-то совсем рядом бродит смерть...

Государственная граница находилась всего лишь в нескольких километрах. Вот из глубины леса вынырнула цепочка советских воинов. Они шли усталые, с почерневшими лицами. Но, преодолевая усталость, находили силы улыбнуться малышам, гладили их по головке, на непонятном нам русском языке утешали, как умели, успокаивали, обещая все хорошее впереди. А сами то и дело беспокойно оглядывались на лес, на небо. Вот тогда мы и слышали эти слова: «В вагоны, в вагоны!» Это созывали нас начальники Друскининкайского и Белостокского пионерских лагерей, которые ни на шаг не отступали от доверенных им ребят и героически боролись за их спасение.

Времени было в обрез. Таща за собой подушки и теплые одеяла, небольшие узелки с продуктами, маленькие чемоданчики, сотни детей кинулись к вагонам. Измученные бойцы торопливо устанавливали на крыше вагона свой единственный пулемет. Какие-то люди в граждан-

ском умоляли их не навлекать беду — лучше спрятать пулемет внутри поезда, кто же будет стрелять по вагонам, в которых едут только дети? Они что-то говорили о Женевской конвенции, о Красном Кресте. И солдаты послушались... Тогда не только дети, но и взрослые далеко не все еще сознавали, что несет с собой война, навязанная фашистами.

Мы увидели его, первого фашиста, в кабине «мессершмитта», где-то близ Рудишкеса. Сначала он с небольшой высоты разглядел, кто в этом поезде едет, секунду другую сморгнул на ржаное поле, где, словно воробьи, рассыпались малыши. У детей еще не было тогда «военного опыта», и они, выпрыгнув из вагонов, с любопытством уставились на серебристый самолет, разглядывали пилота, который прикрыл свои глаза — глаза убийцы — огромными очками. А он сделал второй заход и хладнокровно нажал на гашетку пулемета... Таким был первый урок — страшным и неизбежным. Он показал, какое значение имеют для убийцы конвенции и международные договоры! И все равно, сидит ли такой головорез в «мессершмитте», парившем над рудишкесскими лесами, или в «старфайтере», летавшем над Вьетнамом.

«В вагоны, в вагоны!» — звучала команда каждый час, а порой и через полчаса. И каждый раз это означало, что мы снова избежали смерти... Правда, были минуты, когда казалось, что больше уже не доведется нам услышать эти спасительные слова, что не только часы, но и секунды нашей жизни уже сочтены. Так было в Минске. На станции царил невероятная толчея, хаос. Наш эшелон застрял между воинскими составами. Пользуясь остановкой, взрослые поспешили на поиски хлеба, продуктов. Дети топтались возле вагонов, разминая ноги. И вдруг загудели паровозы, завывли заводские сирены. Казалось, даже солнце вздрогнуло от этого страшного, воющего гула. Малыши, уже кое-что знавшие о налетах, кинулись искать убежище. Но где его найдешь на большой стан-

дци, где все пути запружены эшелонами с оружием, со взрывчатыми веществами... Не было здесь убежища, нигде было спрятаться. Казалось, смерть уже раскинула свои гибельные крылья над детьми. И вот в последнюю секунду, когда над городом уже показались десятки вражеских самолетов, чья-то заботливая рука открыла нам семафор. Мы так никогда и не узнали, чья это была спасительная рука. Но это был наш, советский человек, который, презирая смерть и опасность, расчистил перед нами путь и позаботился о том, чтобы в первую очередь были спасены дети. Так случалось еще не раз, на многих станциях, на протяжении всего мучительного пути...

— Низко кланяемся вам, дорогие друзья, — приветствуем собравшихся на станции и, выполняя команду Самуила Марковича, садимся в автобус, сгорая от нетерпения и желая быстрее обнять всех дорогих друзей и знакомых, выразить им бесконечную свою благодарность за хлеб, теплую одежду, возможность учиться, обильное тепло, которым они нас окружали в суровую годину войны.

Автобус катит по улицам Саранула. Город вырос, похорошел. На месте проселочных дорог, поломанных деревянных тротуаров, по которым мы бежали купаться на Каму, — асфальт. По обеим сторонам дороги красивые многоэтажные здания, и кажется, что старые бревенчатые избы отступили куда-то на окраины... Мы останавливаемся у дома отдыха «Учитель». Это комплекс дач, утопающих среди густой зелени парка.

— Здесь была наша столовая... А это корпус старших девочек... Вот тут был изолятор, — вспоминаем мы, перебивая друг друга.

Для отдыхающих все это звучит странно. Но ведь все это было. В этом отдаленном уголке на Каме прошла часть нелегкого нашего детства. Здесь нашли мы свой второй родной дом, материнскую заботу, отеческое внимание к себе. И юбилей Каракулинской школы-интерната — это

ваш юбилей, хотя мы здесь и впервые. Но когда-то здесь жили наши товарищи — пионеры из Друскининкай и Белостока, а теперь живут дети Удмуртии. Двадцать пять лет существует эта, одна из самых лучших в краю, школа-интернат. И все эти годы ее возглавлял Самуил Маркович.

Здесь, на юбилейном празднике, мы встретились с секретарем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР Еленой Александровной Никифоровой. В те далекие военные годы она была министром просвещения. Она нам рассказала о том, чего мы до сих пор не знали. Семь тысяч детей приютила в годы войны небольшая Удмуртия. В республике действовало шестьдесят детских домов. И всех детей надо было накормить, обуть, одеть, учить. Трудно передать словами, скольких бессонных ночей стоила многим людям забота о решении этой сложной задачи — обеспечения многотысячной армии малышей. Не хватало всего — и одежды, и питания, и обуви... Поздно вечером, возвращаясь домой после трудного рабочего дня, женщины садились плести лапти для маленьких беженцев, а их дети ходили босыми. Колхозники собирали для литовских ребят продукты, которых не хватало для себя... А ведь мы еще иногда проклинали эти лапти, хотя носили их только одну зиму.

— Простите нас, Елена Александровна, — говорим тихо, — простите... Мы в таком неоплатном долгу перед вами.

— За что? — удивляется она. — Мы счастливы, что вы живы-здоровы. Как вы выросли, какими большими людьми стали...

И говорит она таким тоном, как сказала бы любая мать об исполнившейся мечте, мать, дождавшаяся счастья для своих детей!

Особенно остро ощущали мы это в Дебессах, где окончательно обосновался литовский детский дом, где мы про-

жили несколько лет и откуда вернулись в родную Литву. Когда в Дебессах узнали о нашем приезде, все жители как один вышли на улицу встречать нас. Запрудили всю дорогу. А вечер в Доме культуры превратился в замечательный праздник дружбы. Сколько волнующих сердце слов звучало с трибуны!

Зал набит битком. За столом президиума старые и новые наши знакомые, дорогие наши учителя из Удмуртии и Литвы... Среди них скромная, хрупкая женщина. Это Валентина Григорьевна Стрелкова, бывшая заведующая школы, человек большой души. Она была нам не только учительницей, но и матерью, умевшей находить путь к сердцу каждого малыша. Рядом с ней — Константин Андреевич Князев, бывший заместитель председателя райисполкома. Добрые, родные, бесконечно дорогие нам люди. Двадцать лет прошло со дня прощания, но ничто не забыто.

На трибуне — артистка Государственного академического театра драмы Литовской ССР Марите Растейкайте. Не одну трудную роль сыграла Марите, начавшая свою артистическую деятельность в кружке художественной самодеятельности детского дома на этой вот самой сцене Дома культуры. Много раз выступала она перед битком набитым залом. Но на сей раз мысль вдруг оборвалась на полуслове, Марите молчит, не в силах удержать слезы радости и благодарности...

Я иду к трибуне, чтобы продолжить мысль Марите. Но чувствую, что и мне не одолеть волнения... Вспоминаю чудесный августовский вечер сорок четвертого года... Я бегу, спешу по узкой извилистой знакомой тропинке, а сердце уже опередило меня, оно уже там, у маленького, прикипшего к земле домика. Здесь живет замечательная и очень несчастная женщина, потерявшая несколько лет назад единственное свое утешение — малолетнего сына... Вот я уже на знакомой улице. Вихрем влетаю в небольшой двор и припадаю к двери. Но она на замке. Женщи-

на, видно, еще не вернулась с работы. Я сажусь на деревянные ступеньки и с нетерпением жду ее прихода. Жду. Беспokoюсь. А время словно остановилось. Медленно, очень медленно проходят длинные минуты... Но вот в конце улицы появляется невысокая худенькая женщина. Ей нет еще и сорока лет, но какой усталой, измученной она выглядит. Она бредет медленно, не замечая ни улицы, ни дома, ни меня... Мгновение — и я уже на ногах. «Мама!» — кричу не своим голосом и бросаюсь на улицу. Женщина вздрагивает, поднимает глаза, видит меня и останавливается, словно окаменев. А потом неудержимо плачет от счастья...

Этой встрече могло и не быть, как могло не быть многих других таких встреч, неожиданно вернувших потерявшим всякую надежду матерям их давно пропавших детей и принесших стольким людям бесконечно много радости и счастья. Не было бы этих встреч, если бы не эти замечательные, самоотверженные, бесконечно добрые люди, окружающие нас в далекой Удмуртии. Я вспоминаю последние слова матери, которую трагическая судьба надломилась и преждевременно привела к кончине: «Если будешь там когда-нибудь, передай мое большое материнское спасибо... От меня, от всех... От погибших и живых...» Об этом я и говорю с трибуны. Говорю и плачу...

Долго-долго не можем мы расстаться с друзьями. Уже стемнело, а мы все еще гуляем, взявшись за руки, по улицам Дебесс, на которых когда-то звучала литовская речь. Здесь зрели стихи поэтессы Валерии Вальсюнене, вынашивала свои замыслы писательница Эугения Тауткайте. Здесь работал над своими научными трудами профессор Ионас Крикционас, здесь жили и творили многие другие замечательные мои соотечественники. Некоторых из них нет уже в живых... Особенно трагично оборвалась жизнь Изабеллы Лаукайтите — активной участницы революционного движения в Литве. Пережив все тяготы войны далеко от родного края, она пала, едва вернувшись

в Литву, от пули буржуазных националистов в родном уезде.

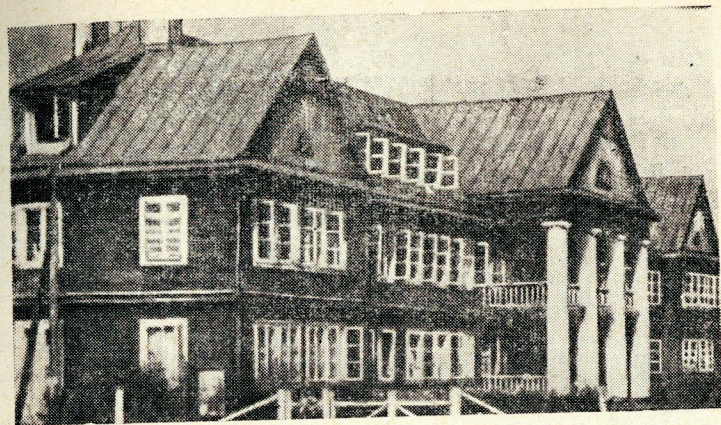
В литовской земле похоронены Герой Советского Союза Голубков, майор Поздеев и многие другие воины-удмурты, которые вместе с русскими и белорусами, украинцами, грузинами и армянами помогли тебе, сын Литвы, вернуться домой. Об этом нельзя забывать. Как зеницу ока обязаны мы беречь нерушимую дружбу народов.

Семь незабываемых дней встреч. Сколько новых друзей и знакомых обрели мы — это народные писатели республики Т. Архипов и М. Лямин, народный поэт С. Ширококов, писатель Г. Симаков, журналисты В. Иванов и В. Ванюшев, славные пионеры Удмуртии...

Накрапывает дождь. На взлетной дорожке наши новые друзья.

— До скорой встречи! — машут им рукой благодарные дети края Немана.

«Советская Литва», 1966, 28 августа.

Друскининкай. Здание пионерского лагеря литовских детей в 1941 г.

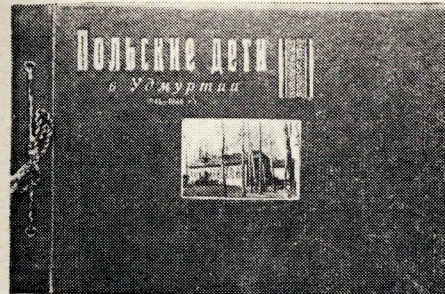
Один из корпусов Каракулинского детского дома.

Передать Принять	_____	Бланк № 18	ИКСовая СССР Адрес: Каракулинское Удмуртская АССР Директору в адрес Каракулинского детского дома тов. рину С.М. Девзнаву копии воспитанникам гг. Анатолию Гриббе- дову, Музе Райцной, Виктору Кривченко.

Передать	_____	Копия М. _____	из Москвы № 1663 от 52 № 14/17 84

Высшая правительствен- ная.			Прошу передать сотрудникам и воспитанникам Каракулинского детского дома собранным 10915 рублей на строительство танковой колонны за Советскую Белоруссию мой горячий привет и благодарность Красной Армии.
И. С Т А Л И Н.			
ПРОВЕРЯЛ _____ Контролер почты тел. _____			КИРАКУЛИНСКИЙ РАЙОННЫЙ ДЕТСКИЙ ДОМ
Телеграф			

Высшая правительственная телеграмма в адрес Каракулинского детского дома

Такой альбом хранится в Каракулинском детдоме.

Торжественная линейка, посвященная двадцатипятилетию Каракулинского детского дома — школы-интерната.

Б. Г. Левин, председа-
тель Пермского област-
ного объединения «Се-
льхозтехника»

СУДЬБА СТРАНЫ— МОЯ СУДЬБА

На востоке стояло зарево, изредка доносился гул, по-
хожий на отзвуки отдаленной грозы.

— И вовсе это не гроза, и не пожар, это маневры,—
небрежно сказал кто-то из всеведущих. Мы посмотрели
на него уважительно, оживленный спор затих. Из столо-
вой мы вышли взволнованные, разговор крутился вокруг
маневров, мальчишки блистали знанием военной техники,
тактики и стратегии. Решено было сколотить отряд и тай-
но провести после обеда свои «маневры» в ближнем лесу.

Странно, взрослые совершенно не обращали внима-
ния на нашу суетню. Воспитатели пробегали по лагерю
с озабоченным видом, никто не строил нас в шеренги,
чтобы вести купаться на Немап, не собирал в круг.

Вскоре все выяснилось: взрослые тоже готовились к
маневрам. Всех построили на площади перед флагом,
и начальник лагеря объявил: «Отряды пойдут в военизи-
рованный поход. Сразу после сигнала «Разойдись!» сту-
пайте в корпуса и возьмите необходимые вещи. Поход
будет долгим — несколько суток. На сборы — полчаса».

И мы побежали в спальни. Я схватил портфель, поду-
мал, что будет необходимо в походе больше всего, трезво

оценил свои силы (Самуил Маркович сказал, что пойдем
далеко) и засунул в портфель четыре батарейки для кар-
манного фонарика. Это были мои бесценные сокровища,
без остального я мог прожить. Рядом суетились друзья,
набивая свои портфели кто коллекцией неманских кам-
ней, кто набором рогаток, девочки брали в военный по-
ход кукол и цветные лоскутки.

Через полчаса огромная колонна вышла из ворот ла-
герья. Впереди развевалось знамя, гремели барабаны, ко-
лонна пела «Если завтра война, если завтра в поход...».

А война уже шла несколько часов.

Мы вступили на улицы Друскининкяй. Жители стоя-
ли в воротах, жалостливо глядя на нас, женщины выти-
рали слезы...

Перрон был густо забит людьми, чемоданами, мешка-
ми, стоял страшный шум. Наша колонна разрешила тол-
пу, и мы стали садиться в единственный стоящий на пу-
тях поезд.

В вагоне стояла тишина, хотя было душно, тесно, хо-
телось пить. Старшие ребята рассовали вещи под лав-
ки, рассадил нас по полкам, стало чуть просторнее. По-
езд отсчитывал километры, унося нас от грозного гула
и зарева — от войны.

— Самолеты,— сказал кто-то с верхней полки. Поезд
резко затормозил.

— Выскакивайте из вагонов, быстрее, быстрее!!!

Мы прыгали с высоких подпорок, бежали, путаясь
в траве, по цветастому лугу, с интересом поглядывая
на снижающиеся самолеты с крестами на крыльях.

— Ложитесь, ложитесь!!! — истошно кричали воспи-
татели. — Убьют!

Самолеты сбросили несколько бомб на состав, развер-
нулись, обнаружив, что поезд совершенно безоружен, и,
снизившись до высоты крош деревьев, редко стоявших на
лугу, понеслись на нас, как злоющие собаки, таякая пу-
леметами.

Ах, какими прекрасными мишенями мы были, ребята в белых панамках и рубашках, девчухи в красных, голубых, розовых ситцевых платьишках на яркой зелени луга!

Тридцать четыре года отделяет меня от того дня, когда, я, девятилетний, по приказу «ложись!» лег в траву, как привык ложиться спать,— на спину, и на меня мчался самолет, но до сих пор, когда я слышу слова «лицо фашизма», они ассоциируются у меня с лицом летчика, управляющего тем самолетом. Улыбающимся лицом... Мне кажется, я помню даже морщины на этом лице, так ясно я видел его через стеклянный фонарь кабины. А он, нажимая на гашетку, разглядывал нас, без страха уставившихся в небо, не догадавшихся прикрыть голову руками, сжаться в комок.

Самолеты ушли, израсходовав боезапасы. Мы побежали к поезду. Возле насыпи я подобрал свою красную тубетейку. В ней было три дырки.

— Пули пробили,— кратко объяснил опекавший нас мальчик из первого отряда.

Кроме моей тубетейки, в этот раз никто не пострадал. Но выводы из ее «ранения» мы сделали: в следующие налеты я отбрасывал ее в сторону, и еще мы прикрывали Мирославу Лотовску: она была одета в красное платье.

В Белосток мы не попали, мост через Неман был уже взорван. Нас повезли на Минск.

Перед Молодечно поезд остановился, мы приготовились выскочить, ожидая палета, но нам велено было оставаться в вагонах. Станция была забита танками. Вдоль состава пробежал наш начальник лагеря, Самуил Маркович Певзнер.

Уже взрослым я узнал, что Певзнер бежал к командиру танкистов. Немцы перерезали железную дорогу. Танкисты получили приказ отходить, но когда узнали, что эшелон везет детей и если они отступят, поезду не

пройти на восток, командир танковой роты нарушил приказ: повел танки навстречу врагу.

В Минске эшелон стоял несколько часов. Пронесся даже слух, что выгрузимся здесь. Мы уже понемножку стали собирать пожитки, но вдруг небо потемнело: тучей приближались самолеты. Это был первый массированный налет на город. Не дав гудка, поезд тронулся, а за спиной десятки самолетов разворачивались, сбрасывали бомбовой груз, рушились дома, на станции гудело пламя.

Нас мучила жажда, воды взять было негде: поезд шел без остановок. Был приказ: пропускать эшелоны с детьми в первую очередь. На разъездах составы, груженные пушками и танками, ожидали, когда мы пройдем по однопутной колее. Солдаты махали нам вслед, их лица, печально-суровые под слоем дорожной пыли, смягчались, когда мы, высунувшись из окон, разглядывали их теплушки.

Помню первый день приезда в Каракулино, деревню километрах в шестидесяти от Саранула. Мы сидели грустные, сбившись в кучки, и вдруг вошел С. М. Певзнер, ведя на поводу кудлатую дворняжку. Собака оживленно помахивала хвостом, бегала глазами по нашим лицам с выражением крайнего дружелюбия.

Мы кинулись к собаке, гладили ее, дергали за лапы, спорили, как ее назвать.

Помню лицо С. М. Певзнера, утомленное, просветлевшее от улыбки, с которой он смотрел на нашу возню вокруг дворняжки, помню лица тех солдат, что пропускали наш эшелон на разъездах и махали руками вслед, и лицо татарки — официантки в национальной одежде, что подносила нам тарелки с кашей в казанском вокзальном ресторане и ее голос: «Куший, куший, малай! Сильным будешь, большим будешь!»

Эти лица в моем сознании сливаются в лицо Родины, усталое, но непременно озаряющееся теплой улыбкой, когда оно обращалось к нам, детям.

**МОСКВА, КРЕМЛЬ,
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СТАЛИНУ**

Мы, 42 воспитанника Каракулинского детского дома, покидая гостеприимный Советский Союз и возвращаясь на родину в Польшу, выражаем Вам и Советскому народу свою искреннюю благодарность и признательность за заботу и ласку Советского правительства к нам, польским детям.

Мы никогда не забудем четырех лет, проведенных в Советском Союзе, временно заменившем нам отцовский дом и родную землю, которую покинуть вынудил нас кровавый фашизм.

В освобожденную доблестной Красной Армией и храбрым Войском польским нашу отчизну возьем самые глубокие чувства дружбы великого советского народа к пострадавшему польскому народу. Мы будем считать нашим священным долгом крепить и ширить польско-советскую дружбу — лучший оплот нашей свободы и независимости.

Примите наши самые добрые пожелания Вам и Советскому народу.

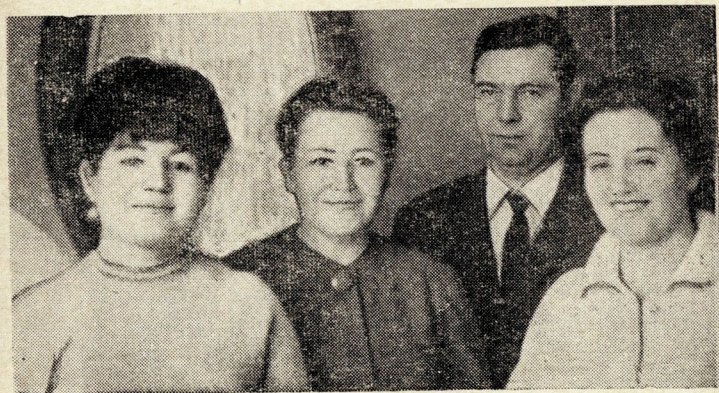
Польско-советская граница, 31 мая 1945 г.

По поручению воспитанников

**Тадеуш Низинский,
Альфреда Боровска,
Роман Зайковский,
Ирэна Кибалко,
Алена Шемайда.**

Эугения Тауткайте — учительница в Дебесском детдоме. После войны работала директором курсов советских работников при Совете Министров Литовской ССР. Умерла в 1960 году 5 января.

Бывшие воспитанники Каракулинского детского дома (слева направо): врач М. Райцына, преподаватель Минского университета М. Найдина, кандидат технических наук, зав. кафедрой Минского политехнического института Н. Кислов, кандидат филологических наук, преподаватель Минского педагогического института Э. Блинова.

Э. Д. Блинова,
доцент Минского пед-
института и м.
А. М. Горького

„ХАЙ БУДЗЕ ЧЫСТАЕ НЕБА...“

Война... Прошло тридцать четыре года с тех пор, когда впервые я услышала это страшное слово. Было мне тогда десять лет.

Помню июнь сорок первого года. Я с четырьмя своими сверстниками еду из городка Крынки Белостокской области (теперь этот город в ПНР, в Белостокском воеводстве) в детский санаторный лагерь в Друскеники (теперь — Друскининкай Литовской ССР).

Живописные места, чудесный парк, широкий Нёман (Нямунас, как называют его литовцы)... Веселые игры, купание в реке, отличный отдых.

Уже был конец смены, и мы готовились к отъезду домой. Я купила подарок маме — коробку конфет с надписью по-литовски.

Ночь двадцать второго июня была тревожной: летали самолеты, слышались глухие раскаты. Встревоженные, заплаканные лица сотрудниц — и мы узнали: война.

Мы сняли с подушек паволочки и отправились в столовую. Каждому дали что-нибудь: хлеб, конфеты, сахар, ветчину.

На вокзале страшная сутолока. Отдыхающие — а их очень много — стремятся сесть в поезд. Говорят, уходит

последний. И вот чьи-то руки поднимают меня и подуют в окно вагона. Это молодой военный. В руках у меня небольшой чемоданчик, он мешает пролезть мне в окно.

— Девочка, брось чемодан, — говорит мне красноармеец.

— Нет, меня мама ругать будет. — Так и передал он меня с чемоданом другому военному, который стоял в вагоне.

Наконец, поехали. Поезд идет на Вильнюс, затем на Минск. В Молодечно — первый обстрел, который я хорошо запомнила. Самолеты летали очень низко и стреляли из пулеметов. Нас спрятали в пожарном сарае. Мы еще не осознавали, какая опасность нам угрожает.

Вновь дорога. И вот мы в Минске. На вокзале просто-таки недолго: начался вражеский налет. За Минском снова обстрел. Выбежали из поезда. Прячемся.

— Девочка, — шепчет мне какой-то мужчина, — спи под пальто (оно у меня красное).

Я снимаю пальто, под ним — красное платье. Мужчина ругается.

Самолеты летают очень низко, видны головы летчиков. Они тоже видят, что очень много детей, но продолжают стрелять. К счастью, никто не убит и не ранен. Самолеты улетели. Отбой. Гудит паровоз. Мы бежим к вагонам — страшно остаться одному в поле. Решаю: лучше сидеть под скамейкой в вагоне — никто тебя не увидит. В дальнейшем так и делаю.

Хорошо помню, как на остановках искали своих родителей. Каждый наивно верил: мама и папа найдут меня. Но, увы! Это счастье выпало на долю не всех. Мои друзья Фрида Вайн и Саша Канципер (они стали мужем и женой, и у них два чудесных сына) так больше никогда и не увидели своих родителей.

В дороге ели в основном то, что дали нам в санатории. У мальчиков в нашем купе был окорок, у нас конфеты. Помню, где-то под Смоленском крестьянка дала мне ку-

сок сыра и кружку молока. Она плакала и гладила меня по голове.

И вот мы на удмуртской земле. Не верится, что можно спокойно спать на чистых кроватях, что ничто тебе не угрожает. Как родных, приняла нас Удмуртия. Уютные домики дома отдыха в Сарапуле отдали нам, детям. Трехразовое питание, медицинское обслуживание, забота о нашем досуге. Не верится, что будем здесь долго. По-детски наивно кажется, что война скоро кончится, и я буду дома с родителями.

Становилось холодно, и нас перевезли в с. Каракулино, где мы прожили тяжелую зиму сорок второго года. Только позднее я поняла, каких трудов стоило нас накормить, одеть и обуть. Ведь ни у кого из нас не было теплых вещей. Мне, как и многим девочкам моего возраста, выдали фланелевое платье, шаровары, пальто на вате, пашку-ушанку, перчатки, ботинки. Правда, ботинки велики — нужных размеров не было, — но зато мы наворачивали в них побольше бумаги, и ногам было теплее.

Несмотря на все трудности первой военной зимы, мы все ходили в школу, никто не отстал в учебе. Я училась в четвертом классе. Уроки мы делали на старых книгах — писали между строчек. Четвертый класс я закончила с похвальной грамотой. Меня наградили вельветовым костюмчиком, который мне сшили на заказ в мастерской. Никогда я не забуду этот костюмчик, который все четыре военных года был моим самым лучшим нарядом.

С большой теплотой вспоминаю я Лию Сергеевну Ровову — нашу воспитательницу. Это ей мы обязаны минутами, которые вновь возвращали нам тепло и материнскую ласку. Каждому хотелось заслужить ее внимание, похвалу, и она умела одарить каждого ласковым словом, взглядом, прикосновением. Она пела с нами, разучивала танцы, читала вслух.

В феврале сорок второго года во время обеда ко мне подошла Берта Павловна и спросила: «Как фамилия тво-

ей мамы?» Я ответила, и она сообщила мне, что мама прислала запрос в детдом, дала мне ее адрес. Трудно описать, как я обрадовалась. Вместе со мной радовались и мои крынковские подруги, радовались за меня и надеялись, что моя мама сообщит им что-либо об их родственниках.

В июле сорок второго года мама, которая эвакуировалась в Чкаловскую (теперь Оренбургскую) область, приехала за мною. Нам предоставили маленькую комнату, где мы прожили две недели. «Погостите, отдохните у нас», — говорил Самуил Маркович. Мама вспоминает: «Я действительно отдохнула. Впервые за много дней спала на белой постели (ведь она эвакуировалась в первый день войны из-под самой границы и ничего не успела взять с собой), три раза в день питалась». В столовой дети оставляли горбушку Лининой маме (ведь она побольше). Мама говорила мне: «Линочка, может ты останешься здесь. Я не смогу кормить тебя три раза в день». Но я, конечно, хотела быть с мамой, да и не представляла себе, что значит быть голодной, ведь в детдоме каждый день мы получали по триста граммов хлеба да еще горячую вареную пищу. Значительно позднее я поняла, как нелегко было в тот первый тяжелый год войны накормить нас. Удмуртия, которая стала для нас родным домом, отдавала нам, детям, все, что было возможно и невозможно. Перед отъездом из детдома мне выдали новое зимнее пальто, пашку, платье.

Я уехала из Каракулино в июле сорок второго года. Но связь моя с детдомом не оборвалась. Я писала девочкам письма. Особенно аккуратно переписывалась с Фридой Вайн, которая прожила в детдоме до конца войны.

В сорок третьем году мой отец, который был в партизанском отряде на Брянщине, разыскал нас в селе Романовка Пономаревского района Оренбургской области. И когда наши доблестные войска освободили Белоруссию, а отца послали работать на старое место секретарем

Крынковского райкома, мы с матерью приехали к отцу в Крынки.

Городок трудно было узнать, центр лежал в развалинах, еще дымились пепелища. Валя Ярош жила со мной на одной улице. Но теперь я не могла найти их дом. Знала, что отец Вали работает кузнецом. Мне показали дом Вали. Отец ее и старший брат были в кузнице. Матери дома не было. Я вошла к ним и сказала: «Ваша Валя жива, она в Удмуртской АССР в селе Каракулино, в детдоме, я была вместе с нею». Отец растерялся и не мог произнести ни слова. Через час на квартиру, где временно остановилась наша семья, прибежала Валина мама. Она плакала, обнимала меня, без конца расспрашивала. Родителям Фриды Вайн и Миши Новик я ничего не могла передать — их уже не было в живых.

В сорок восьмом году я поступила на филологический факультет Белорусского государственного университета им. Ленина. Как-то, стоя в очереди за стипендией, я увидела знакомое лицо. Лена Акулич, студентка третьего курса географического факультета! Она была со мной в Каракулинском детдоме, в старшей группе, но и она узнала меня. Сейчас Лена Акулич — преподаватель одной из школ г. Лиды Гродненской области.

В Минске нас четверо каракулинцев. Правда, об этом я узнала не сразу. С Майей Найдипой я повстречалась на трамвайной остановке, когда и я, и она еще были студентками. Сейчас она — старший преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного университета.

Совершенно случайно узнала о том, что Коля Кислов тоже живет в Минске. Мои родители жили в Бресте, и я ехала поездом к ним на Октябрьский праздник. В одном купе со мной ехала молодая семья — жена, муж и ребенок. Разговорились. Я сказала, что во время войны была в детдоме. «Совсем, как наш Кислов», — сказала молодая

женщина. — «Кислов? — переспросила я. — А как его зовут, Коля?» — «Да, Коля».

Я назвала свое имя и фамилию, брестский адрес. А через день мы встретились. Сейчас Николай Кислов — доцент Минского политехнического института.

В Минске живет еще одна воспитанница детдома — Морец Райцына. Она врач городской больницы.

В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году у нас была незабываемая встреча. В Минск приехал наш Самуил Маркович. Несколько дней мы вновь были вместе. Сколько интересного рассказал нам Самуил Маркович о воспитанниках Каракулинского детского дома! Он организовал наше выступление по телевидению. На память об этой встрече Коля Кислов сфотографировал нас возле одного из памятных мест Минска — дома-музея, где был I съезд РСДРП.

И сколько бы ни прошло лет, пока мы живы, всегда с благодарностью будем вспоминать Самуила Марковича Певзнера, наших воспитателей и сотрудников детдома Фаню Павловну, БERTУ Павловну и других, которые делали для нас все в самое тяжелое и ответственное для нашей страны время. Мы бесконечно благодарны братской Удмуртии за то, что она приняла нас, детей Белоруссии, Литвы и Польши, создала все условия, чтобы мы могли жить и учиться, стала для нас второй родиной!

И мне хочется сказать на родном языке белорусов: «Хай ніколі у жыцці народы нашай краіны усяго чалавечтва не зведаюць цяжара войны! Хай будзе пад пахай краінай чыстае мірнае неба, шчаслівае дзяцінства!»

Минск, 1975, февраль.